PV
116
Пер
к
ис

CLIII 3/99

В. ПЕРЕТЦЪ.

Къ исторіи славяно-русскаго Пролога.

PV
116
Пер
к ис.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типо-Литографія А. Э. Винеке, Екатерингофскій пр., № 15.
1914.

Отдѣльный оттискъ изъ „Записки Неофилологическаго Общества“
вып. VIII, за 1914 г.

Къ исторіи славянорусскаго Пролога.

I.

Исторія русской литературы знаетъ случаи, когда литературный памятникъ переживаетъ рядъ столѣтій и до нашего времени читается извѣстною частью публики; рождается интересъ къ новымъ произведеніямъ, возникающимъ и въ свое время вымирающимъ, создаются новыя школы и направленія, но древній памятникъ, какъ удовлетворяющій неумирающимъ запросамъ читающей среды, продолжаетъ свое существованіе. Однако, это долгое существованіе не можетъ не отразиться на этихъ прочныхъ памятникахъ; оно не проходитъ для нихъ безслѣдно. На своемъ пути они неизбѣжно поддаются самымъ разнообразнымъ воздѣйствіямъ, отражая каждый разъ новыя тенденціи редакторовъ, новые вкусы и понятія среды, въ которой порою періодически оживаетъ интересъ къ нимъ.

Результаты вліянія новой среды на памятникъ, подвергающійся передѣлкѣ, могутъ быть трояки.

Памятникъ, сохраняя содержаніе, оставаясь идейно тѣмъ же—мѣняетъ сообразно новымъ эстетическимъ требованіямъ и вкусамъ эпохи свою форму; главнымъ образомъ передѣлывается с т и л ь памятника, языкъ—однимъ словомъ то, что обветшало въ формѣ его. Одна и та же идея получаетъ разную оболочку въ разные вѣка существованія древней русской литературы [1]).

[1]) См. н а ш у книгу „Изъ лекцій по методологіи исторіи р. литературы“, Кіевъ, 1914, стр. 212.

Съ другой стороны новая среда и новыя историческія условія создаютъ новыя и д е й н ы я цѣнности; редакторъ—передѣлыватель памятника, порою сохраняя его формальныя особенности—приспособляетъ его къ потребностямъ новаго времени; въ этомъ случаѣ древній памятникъ, воскрещаемый по какимъ либо причинамъ, неизбѣжно приспособляется къ идейнымъ требованіямъ эпохи. При этомъ порою замѣтно страдаетъ первоначальный обликъ памятника: не всегда возможнымъ является согласовать основную идею памятника, созданную въ глубинѣ вѣковъ, при совершенно иныхъ историческихъ условіяхъ—съ идеями новыми, вызванными совершенно инымъ складомъ мышленія, инымъ способомъ пониманія и оцѣнки явленій [1]).

Третій случаій—наиболѣе обычный: одновременно съ видоизмѣненіемъ стиля, языка, изобразительныхъ средствъ памятника, его состава и расположенія частей мѣняется и его содержаніе, при чемъ иногда наблюдается любопытная контаминація, наслоеніе однихъ понятій на другія.

Сказанное мы наблюдаемъ въ одномъ частномъ случаѣ—въ исторіи Пролога, одного изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ, весьма популярнаго въ древней Руси и дожившаго до нашего времени въ церковномъ употребленіи.

II.

Прологъ принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ переводныхъ сборниковъ болѣе или менѣе опредѣленнаго состава.

Онъ содержитъ, какъ извѣстно, краткія житія свв., расположенныя въ календарномъ порядкѣ, заимство-

---

[1]) См. напр. изслѣдованія ак. И с т р и н а объ Откровеніи Меѳодія Патарскаго и о Толковой Палеѣ.

ванныя изъ разнообразныхъ источниковъ [1]), и краткія же поученія на разные случаи. Въ русской письменности Прологъ появляется очень рано: въ рукописяхъ Древлехранилища Погодина мы находимъ отрывки Пролога XII вѣка; списки XIV и XV вѣка—нерѣдки.

Сравнивая Прологъ въ древнѣйшихъ полныхъ спискахъ (XIV в.) со списками XV, XVI и XVII вв., мы замѣчаемъ, какъ постепенно составъ Пролога осложняется. На помощь основному фонду—приходитъ масса разнообразныхъ благочестивыхъ повѣстей и сказаній, не говоря уже о памятяхъ русскихъ святыхъ, канонизованныхъ въ XVI и XVII вв. Едва ли не наиболѣе обширно и многообразно было содержаніе интересующаго насъ памятника въ тотъ моментъ, когда послѣ многихъ вѣковъ письменной традиціи—въ Москвѣ, въ 1640 году было задумано первое печатное изданіе его.

По распоряженію царя были затребованы „добрые переводы“ (т. е. списки) Прологовъ и Четьихъ-Миней изъ Кириллова и, можетъ быть, другихъ монастырей, а въ 1643—1644 годахъ появилось первопечатное изданіе Пролога, отличающееся обширностью и богатствомъ содержанія. Оно, однако, и для своего времени было далеко отъ совершенства въ разныхъ отношеніяхъ. Издатели его сами сознавались въ погрѣшеніяхъ—и было въ чемъ: св. Силуанъ былъ превращенъ въ „Лусія“, свв. Пинна и Римма—въ „Пинырата“ и т. д. Это изданіе было пересмотрѣно и исправлено справщикомъ инокомъ Евѳиміемъ, и Прологъ былъ снова отпечатанъ въ 1659 г. За симъ—послѣдовалъ не одинъ разъ пересмотръ Пролога, но уже не только съ цѣлью избавить его текстъ отъ грубыхъ словесныхъ по-

---

[1]) Н. Петровъ, О происхожденіи и составѣ славянорусскаго Пролога, 1875; см. еще: Пѣтуховъ, Къ исторіи Пр. Зап. Ист.-Фил. Инст., XII.

грѣшностей, а съ планомѣрно проведеннымъ намѣреніемъ координировать самое содержаніе Пролога съ состояніемъ новыхъ взглядовъ и понятій, новыхъ представленій о „чудесномъ", которому въ повѣстяхъ этого древняго сборника отводилось немало мѣста.

Къ концу XVII в. въ верхнихъ слояхъ Московскаго общества постепенно начинаетъ вывѣтриваться наивная, простосердечная дѣтская вѣра; входятъ въ моду ученые выходцы изъ Украйны, стремившіеся, быть можетъ, незамѣтно для самихъ себя раціонализировать религію по образцу Западной Европы. Мистическое пониманіе религіи угасаетъ; сначала подъ вліяніемъ воспитанныхъ на Аристотелѣ латинскихъ богослововъ, позже подъ вліяніемъ гуманистовъ-скептиковъ и опредѣленныхъ раціоналистовъ—протестантовъ и въ наши богословскіе круги, а затѣмъ и въ общество—проникаетъ скептицизмъ, немирящійся съ наивной мистикой, и задолго до „вѣка просвѣщенія" вступившій на путь раціонализаціи традиціонно существовавшаго многіе вѣка литературнаго достоянія, накопленнаго въ Прологѣ и Четьихъ-Минеяхъ.

Особенно рѣзко сказалось различіе между традиціонными религіозно-поэтическими воззрѣніями русской старины—и новыми, раціоналистическими, когда въ 1723 году Св. Синодъ рѣшилъ исправить Прологъ и поручилъ это сдѣлать ученому іеромонаху Стефану Прибыловичу.

III.

Прибыловичъ—питомецъ Кіевской Академіи, позже (1698) преподаватель ея [1]) а еще позже—съ 1706 г. префектъ и преподаватель философіи въ Московской славяно-греко-латинской Академіи, въ 1711 г.—собор-

[1]) Петровъ, Кіевская Академія во второй полов. XVII в. стр. 57.

ный іеромонахъ Александро-Невской лавры—писалъ довольно много [1]) и, повидимому, обладалъ довольно обширнымъ и разностороннимъ образованіемъ. Новгородскій митрополитъ Іовъ въ 1711 г. писалъ о немъ Корсакову: „мудръ есть человѣкъ и богослова себе наричаетъ множае паче, нежели иные нѣкіе. Егда же услышиши, самъ весьма уразумѣеши, каковы богословы являются учащіеся въ кіевскихъ новыхъ аѳинейскихъ школахъ“ [2]). Ниже мы увидимъ и положительныя, и отрицательныя стороны этого богословствованія, сильно отдававшаго протестантскимъ раціонализмомъ. Несмотря на это—читаемъ въ дѣлѣ Тверитинова: „Дмитрій Тверитиновъ у префекта Прибыловича бывалъ во многія времена о св. догматахъ въ преніи, и оный префектъ сказывалъ про того еретика, что весьма люторская и кальвинская мудрствуетъ“ [3]).

Былъ ли самъ Прибыловичъ—обличитель „люторства и кальвинства“—близокъ къ „люторской и кальвинской ереси“, мы допытываться не будемъ. Но документы, сохранившіеся въ библіотекѣ Архива Св. Синода говорятъ довольно убѣдительно, что бесѣды съ Тверитиновымъ не прошли безслѣдно для ученаго іеромонаха. Этихъ документовъ—два: обширный сборникъ его „Аннотацій“, хранящійся подъ № 1299 и небольшая, сжато написанная тетрадка, „Перспектива“ къ Прологу, хранящаяся подъ № 1300 [4]). Вторая—имѣетъ для насъ значеніе главнымъ образомъ біографическое: она рисуетъ намъ міровоззрѣніе Прибыловича и объясняетъ многое, что мы находимъ въ „Аннотаціяхъ“. Начинается „Перспектива“—доношеніемъ, напечатаннымъ А. И. Никольскимъ.

---

[1]) Филаретъ. Обзоръ русской дух. литературы, 3-е изд., стр. 281.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Тамъ-же.

[4]) Описаніе рукописей, хранящихся въ Архивѣ Св. Синода т. II, вып. 1, стр. 69.

скимъ. Засимъ слѣдуетъ содержаніе въ 21 главѣ, а именно:

1. О разсужденіи, о немъ же поминается въ февраріи 29 къ Прологу.
2. О монашествѣ, сіесть о безбрачіи.
3. О оставленіи родителей.
4. О оставленіи жены и чадъ.
5. О непощадѣніи тѣла.
6. О безмолвіи.
7. О одѣяніи женъ въ мужеская.
8. О снахъ и видѣніяхъ.
9. О чудесахъ.
10. О дѣлехъ добрыхъ, дарованныхъ другимъ.
11. О милостыни и прочіихъ добрыхъ дѣлехъ по мертвыхъ.
12. О созданіи церквей святыхъ и во имя святыхъ.
13. О молитвахъ, яко молитвами святыхъ милуетъ насъ Богъ.
14. О молитвахъ, ко святымъ бываемыхъ.
15. О почитаніи и поклоненіи иконъ и гроба и креста Господня и мѣстъ святыхъ.
16. О прехожденіи отъ мѣста на мѣсто, оставлше свое званіе и помышляюще, яко на иномъ мѣстѣ пріятнѣйшая Богу будетъ ихъ молитва.
17. О юродствѣ самоизволномъ.
18. О душахъ праведныхъ, пріяша ли царствіе и небесная веселія, такожде и о душахъ грѣшныхъ, преставлшихся человѣкъ, мучатся ли въ геенѣ огненной.
19. Оскверняются ли вѣрніи яденіемъ коего либо брашна.
20. О вещехъ нечувственныхъ, ими же чудодѣйствуетъ Богъ.
21. О пренесеніи мощей святыхъ отъ мѣста на мѣсто.

Всѣ вопросы, затронутые въ предложенномъ выше порядкѣ, Прибыловичъ трактуетъ съ опредѣленной точки зрѣнія. Онъ совершенно чуждъ какого либо мистицизма.

Онъ допускаетъ лишь два основанія для положительнаго рѣшенія поставленныхъ вопросовъ: здравый смыслъ и свидѣтельство Священнаго Писанія. Для иллюстраціи его манеры разсуждать приводимъ три главы изъ „Перспективы“: вторую, восьмую и девятнадцатую.

(л. 4 об.) Глава 2. „О монашествѣ сіесть О безбрачіи“.

„Монашество или безбрачіе иное есть того, иже не разжизается и есть хладнаго состоянія и не имать нужды отъ страстей къ соединенію плотскому, или аще имѣетъ страсти, страсти обаче не зѣло стужительныя имѣетъ, яже можетъ удобіе утолити; и таковаго состоянія человѣкъ егда безбрачіе избираетъ (л. 5) того ради, да удобнѣе возможетъ царствіе Божіе проповѣдати, не зло безбрачіе его есть, не гаждаетъ бо Господь Іисусъ таковыхъ безбрачныхъ и скопцовъ въ Матѳеи, въ главѣ 19 стихъ 12, глаголя: „и суть скопцы, иже скопишася царствія ради небеснаго“ (:сіесть да проповѣдуютъ е), и Павелъ святый въ посланіи I къ Коринѳяномъ въ главѣ 7 стихъ 37 похваляетъ таково безбрачіе, иже стоитъ твердо сердцемъ, не имый нужды, власть же имать о своей воли и се разсудилъ есть въ сердци своемъ блюсти дѣву свою, добрѣ творитъ; и аще отецъ не имущи неволи, но власть имущи о своей воли добрѣ творитъ, не отдающи дѣву свою замужъ, добро есть безбрачіе дѣвицы оныя, аще удобіе можетъ вмѣстити его, и утолити страсти не зѣло стужительныя ей. Могій бо вмѣстити да вмѣститъ, яко читаемъ въ Матѳеи въ главѣ 19 стихъ 12.

„Иное же есть безбрачіе того, иже разжизается, пространно живетъ; и таковъ безбраченъ долженъ женитися, да не впадетъ въ любодѣяніе, яко повелѣваетъ Павелъ святый въ посланіи I къ Коринѳянамъ, въ главѣ 7 стихъ 2: „Блудодѣянія ради (:сіесть да не впадетъ въ него безбраченъ) койждо свою жену да имать и каяжде жена своего мужа да имать“ и нижше въ той

же главѣ 7 стихъ 9 глаголетъ Павелъ: „лучше бо есть женитися, неже разжизатися; и „вдовица, пространно живущи, жива умерла“ I къ Тимоѳею, глава 5 стихъ 6.

„Вси убо въ безбрачіи сущіи, аще разжизающеся не женятся, противно Павлову ученію сотвориша и творятъ“.

(л. 9) Глава 8. „О снахъ и видѣніяхъ“.

„Яко снамъ и видѣніямъ нынѣ аще бы и истиннымъ не надобно вѣровати, писано есть слово святаго Антіоха увѣщательное въ Прологу, въ мѣсяцѣ февруаріи 26 числа, листъ 729 на оборотѣ, и въ априлѣ мѣсяцѣ 21 числа листъ 243 слово отъ старчества. Павелъ же святый, да не всѣмъ видѣніямъ вѣримъ, оберегаетъ насъ въ посланіи 2 къ Коринѳянамъ въ главѣ 11, стихъ 14, яко самъ сатана преобразуется во ангела свѣтла.

„Вси убо видѣніямъ нынѣ вѣровавшіи, противно дѣлаша и ученію святаго Антіоха и слову отъ старчества и негли таковымъ сновидцамъ сатана въ мѣсто аггела или святыхъ являлся, по глаголу Павла, свидѣтельствующа о сатанѣ, яко преобразуется во аггела свѣтла.

„Къ тому же то вѣдати имамы о видѣніяхъ и снахъ божественныхъ, діавольскихъ и вымышленныхъ, что писано будетъ и о чудесехъ божественныхъ и діавольскихъ и вымышленныхъ, а не бывшихъ“.

(л. 20) Глава 19. „Оскверняются лися вѣрніи яденіемъ коего либо брашна“.

„Никтоже оскверняется, помышляяй яко вся чиста чистымъ; (об.) оскверняется, глаголю, никтоже яденіемъ коего либо брашна. Тако явственнѣ учитъ святый Ѳеофилактъ въ повседневномъ Толковомъ Евангеліи на Матѳея главу 15 стихъ 11, яко ни едино брашно оскверняетъ человѣка, и тоежде утверждаетъ святый въ толкованіи тоеяже главы 15 стихъ 20, и еще тоежде учитъ святый онъ учитель въ толкованіи на Марка главу 7, стихъ 8“.

Приведеннаго достаточно, чтобы убѣдиться въ значительной близости Прибыловича къ понятіямъ с в о е г о времени, которыя онъ защищалъ противъ традиціонныхъ Московскихъ, казавшихся ему недостаточно обоснованными предразсудками. Воздержаніе и дѣвство, какъ подвигъ—для него не существуютъ: мотивомъ храненія ихъ является условіе: „аще не зѣло стужительны". Сны, которымъ вѣрила древняя Русь, какъ и чудеса—могутъ быть отъ діавола; строгое различеніе чистаго и нечистаго—побиваетъ Прибыловичъ авторитетными, но д о н е г о—не достаточно убѣдительными ссылками на бл. Ѳеофилакта и на апостола.

Таковъ въ краткихъ чертахъ былъ обликъ ученаго богослова, которому былъ порученъ пересмотръ Пролога.

IV.

„Перспективу", какъ сводъ своихъ наблюденій и какъ матеріалъ для оправданія своихъ операцій надъ текстомъ печатнаго Пролога, Прибыловичъ, вѣроятно, назначалъ для высокой инстанціи, для св. Синода. Возможно, для Синода же были составлены „Аннотаціи"—болѣе детальныя замѣчанія на отдѣльныя мѣста проложныхъ сказаній. Въ этихъ, составленныхъ по порученію архіеп. Новгородскаго Ѳеодосія „Аннотаціяхъ" на Прологъ изд. 1685 г. еще рельефнѣе видно, что Прибыловичъ, если и не уклонялся окончательно „въ лютерство и кальвинство", однако сильно приближался своею раціоналистически-скептическою манерою трактовать церковное преданіе—именно къ протестантскому міросозерцанію.

Ниже приведемъ рядъ замѣчаній Прибыловича на отдѣльныя мѣста Пролога, теперь же отмѣтимъ, что основаніемъ для критики сообщаемаго Прологомъ—является для ученаго іеромонаха з д р а в ы й с м ы с л ъ и иногда—и с т о р і я. Всѣ замѣчанія проникнуты иро-

ніей и высокомѣрнымъ пренебреженіемъ ученаго къ баснямъ простонародья. Изъ большого тома—выбираемъ ниже лишь немногое, наиболѣе показательное.

Мы видѣли выше отношеніе Прибыловича къ дѣвству. Въ „Аннотаціяхъ". къ слову отъ Лимониса о Минѣ діаконѣ нашъ авторъ замѣчаетъ: „познавъ кто. яко не можетъ въ монашествѣ дѣвствовати, видится не грѣхъ оставити ему монашество; лучше бо есть женитися, неже разжизатися, I къ Коринѳамъ въ главѣ 3. стихъ 9 обще о всѣхъ речено" (л. 2 об.)—т. е. растрічься и ожениться. какъ поступилъ Лютеръ.

Прибыловичъ протестуетъ противъ монашескаго эгоизма (на л. 14) по поводу житія преп. Копрія (24 сент.); именно, по поводу словъ „да внегда бяше время отрочити ссати, тогда коза отлучашеся. сама исхождаше съ горы"—замѣчаетъ: „лучшая сія коза паче монаховъ и милостивѣйшая". По поводу словъ объ ап. Петрѣ въ „словѣ отъ Патерика" (17 сент.) „яко ты еси глава всѣмъ"—замѣчаетъ: „Папѣжское се есть мудрованіе" (л. 12 об.).

Какъ ученый богословъ, воспитавшійся на принципахъ тогдашней европейской науки, Прибыловичъ борется съ укоренившимися въ нашей письменности и проникшими въ Прологъ апокрифическими сказаніями. Такъ (л. 4 об.) „10 листа, мѣсяца септемврія въ 4 день память святаго пророка Моисеа, на 16 строкѣ: „и погребенъ бысть въ горѣ Аваримѣ архистратигомъ божіимъ Михаиломъ". Аннотація: „Богомъ погребенъ есть, яко чтемъ во Второзаконія въ главѣ 34 въ латинской библіи; аще въ руской не тако, но просто написано есть „погребоша его",—не написано же обаче, яко архистратигомъ Михаиломъ; написано же еще, яко въ земли Моавли, не написано же, яко въ горѣ Аваримѣ".

Столь же строго отнесся Прибыловичъ къ легендѣ, сохраненной подъ 10 сент.—памятью мучен. Варипсавы—

о чашѣ—Граалѣ (л. 8 об.): „пріемъ истекшую кровь отъ пречистаго ребра Господа нашего Іисуса Христа"; аннотація: „Нѣсть въ Писаніи написано, дабы кто чашу подставля истекающей отъ ребра Іисусова крови, никому же тогда тамо отъ вѣрныхъ сущу".

По поводу апокрифическихъ дѣяній ап. Петра, именно объ эпизодѣ, повѣствующемъ о Кинопсѣ, къ словамъ „и послушаетъ насъ Кинопсъ и мы его" (л. 17) читаемъ слѣдующую аннотацію: „не могутъ діаволи, послушавше волхва, взяти душу человѣческую, кромѣ воли Божія, не могуще безъ повелѣнія Іисусова и во свиніи внити, о чесомъ чтемъ въ Матѳеи въ главѣ 8, стихъ 31".

Прибыловичъ обнаруживаетъ отрицательно-презрительное отношеніе къ различнымъ видамъ аскезы, которые наблюдаются въ житіяхъ древнихъ подвижниковъ. Онъ пренебрежительно относится къ смиренію: (л. 12) послѣ цитаты изъ Пролога—„понеже смиреніемъ вся согрѣшенія разрушаются", заключающей въ себѣ идеализацію смиренія—аннотація: „не видѣхъ тому мудрованію доводовъ".

Древняя легенда говоритъ намъ о случаяхъ самоистязанія (въ Лавсаикѣ—Макарій Егип. и др.); къ цитатѣ изъ „слова отъ Патерика о плачущемъ монахѣ" (л. 12 об.):—„вземъ лозу біяше себе по нагу тѣлу"—читаемъ аннотацію, полную ироніи: „въ книгахъ 3 Царствъ въ главѣ 18 стихъ 28 Вааловы жерцы ножами себе рѣзаху; видится большее сихъ страданіе; и папѣжники такожде по нагу [1]) себе біютъ".

Къ житію Василія блаженнаго, Московскаго чудотворца—представляющему идеализацію нестяжанія и крайней бѣдности, именно къ словамъ: „толико же безъимѣненъ бяше, яко ни вертепа мала имѣ у себе, ни ризнаго одѣянія на тѣлѣ своемъ ношаше"—Прибыловичъ дѣлаетъ брезгливое замѣчаніе: „кое есть благообразіе нагу

[1]) Въ рукоп. ошибочно „по ногѣ".

ходити; „вся же благообразна да бываютъ“ I Кор. 14, ст. 40. Адамъ же и Ева аще и покрыти имѣху дѣторо-дительныя, стыждахуся Бога и сокрывахуся. въ Бытіяхъ, въ главѣ 3 стихъ 10“ (л. 164). Далѣе, по поводу словъ житія о добровольномъ юродствѣ святого: „всегда Христа ради буйственное житіе жителствоваше; ничтоже гла-голаше“—такая аннотація: „буйство не токмо не по-хваляется, но между грѣхами числится въ словѣ Божіи, въ Маркѣ. въ главѣ 7, стихъ 22 (л. 164).

Трогательное житіе препод. Ѳеодоры, ради подвига принявшей видъ монаха и подвизавшейся до старости въ мужскомъ монастырѣ—вызываетъ такое грубое по непониманію замѣчаніе Прибыловича: „жена, облек-шаяяся въ мужеское одѣяніе мерзостна есть Богу. яко чтемъ во Второзаконіи въ главѣ 22“ (л. 9).

Далѣе—у Прибыловича встрѣчаемъ рядъ такихъ скептическихъ замѣчаній:

Текстъ (л. 3): „и абіе внезапу истече око его; отъ сего знаменія разумѣша отцы, яко прости его Богъ отъ грѣха“; аннотація: „Истеченіе ока вне-запное—прощенія ли Божія, или гнѣва Божія есть зна-меніе—неизвѣстно мнѣ есть“.

Текстъ (л. 6 об.): „святый же огради умывальницу крестомъ Христовымъ“ (рѣчь о Новгор. архіеп. Іоаннѣ, затворившемъ въ умывальницѣ бѣса); аннотація: „всуе Богъ чудесъ не творитъ“.

Текстъ (л. 4 об.): „спаніе же ему бяше еже сѣсти и колѣна и перси смѣсити, вервь малу къ свѣщи при-лѣпивъ, да внегда пригорѣти свѣщи, падаше вервь въ лоханю и творяше клокотъ и тако востаяше“; анно-тація: „Естественнѣ немощно чрезъ все житіе толь мало спати [1]), чудесъ же Богъ всуе не творитъ“. Это

[1]) По поводу другого разсказа Пролога о Дороѳеѣ пустын-никѣ: „николи же бо уснухъ по обычаю“—аналогичное замѣча-ніе: „невѣроятно есть тако человѣку безъ сна пребывати“ (л. 12).

послѣднее замѣчаніе встрѣчается часто въ обширной рукописи, содержащей аннотаціи.

Текстъ (л. 10 об.): „Силою божественнаго креста Господня"; аннотація: „како есть божественная сила въ древѣ крестномъ—невѣмъ".

Поэтическая легенда о восхищенномъ во время землетрясенія на воздухъ отрокѣ—вызвала къ словамъ „и внезапу отроча восхищено бысть на воздухъ и носимо бяше на немъ"—аннотацію: „невѣроятно есть то и неизвѣстно" (л. 14 об.).

Другая легенда разсказываетъ о посѣщеніи любознательными путниками земного рая. Холодный къ поэзіи благочестивой легенды Прибыловичъ противъ словъ: „они же Павла цѣловавше и взяша себѣ отъ святаго рая овъ цвѣтъ, и инъ вѣтвь, другій листвіе прекрасное, прочіи же былія и изыдоша"—такую аннотацію: „басни се суть; къ чему бо нынѣ въ раи цвѣтамъ быти, кто тамо облагоухаетъ ихъ?" (л. 59).

Мѣрою чудеснаго въ религіозной легендѣ ставитъ ученый іеромонахъ—холодный и плоскій здравый смыслъ, повѣряя имъ показанія древнихъ памятниковъ религіозной поэзіи, пытаясь все въ нихъ объяснить естественными причинами. Примѣры многочисленны, приводимъ лишь немногіе.

Текстъ „мѣсяца септембріа въ 1 день память святыя иконы пречистыя Богородицы, изшедшія отъ езера Азурова, ввержене ей бывши отъ иконоборцевъ ....."; аннотація: „Тоея обители масинскія братія негли сами иконоборцы быша, яко икону святую ввергше въ воду утопляху; неиконоборцы бо иконы святыя во воспоминаніе первообразныхъ честно держатъ, а не въ воду ввергаютъ и утопляютъ, яко сказуетъ, повѣсть сія; къ тому же икона деревянная отъ глубины воды взыти не могла, понеже и утонути не могла; не мню убо, дабы возшествіе

иконы отъ воды было чюдесное, ибо кую либо вещь плавающую множицею вода на брегъ выноситъ“ (л. 1).

Въ памяти преп. Евфросина читаемъ: „тогда іерей показалъ рукою, яблока прося“—аннотація: „на что были бы нынѣ яблока въ раи и кому ихъ тамо ясти—невѣмъ“ (л. 9 об.).

Въ „страсти св. Зосимы“ читаемъ: „посла же Богъ ему звѣри на утѣшеніе и съ тѣми, яко съ человѣки, бесѣдоваше“; аннотація: „негли святый къ нимъ бесѣдоваше, звѣри же бесѣдовати къ человѣкамъ не умѣютъ“ (л. 12 об.).

По поводу разсказа о слышанномъ ангельскомъ пѣніи „Святый Безсмертный, помилуй насъ“—аннотація: „мню, яко ангелы святыи „помилуй насъ“ не поютъ, грѣшніи людіе такой обычай имѣютъ глаголати“ (л. 14 об.).

Недовѣріе къ чуду, признанному церковью—весьма характерно для Прибыловича:

Текстъ: „нѣкогда бо огнемъ запалися церковь и сгорѣ, чудотворная же та икона въ самый пламень изъ огня изыде никимъ же носима“; аннотація: „невѣроятно есть то, множицею бо и хлѣбъ освященный въ тѣло Іисусово во время пожара церковнаго сгараетъ“ (л. 59 об).

Текстъ (изъ сказанія о преставленіи преп. Сергія Радонежскаго): „И отнеле же родился, въ среду и въ пятокъ отъ сосцу не ссаше и млека не ядяше“; аннотація: „кто и когда о томъ свидѣтельствовалъ, мнѣ неизвѣстно есть, что же ядяше—не описано есть; постится же младенцемъ не для чего“ (л. 15).

Иногда рѣзкій отзывъ звучитъ грубоватой шуткой, напримѣръ, въ замѣчаніи къ словамъ Пролога объ одномъ подвижникѣ столпникѣ: „послѣди же взыйде на

столпъ высокъ на немъ же многа чюдеса сотвори"; аннотація: „и на столпѣ, и на землѣ, и вездѣ молитва, аще есть со усердіемъ, мню, яко есть пріятна Богу, и столпъ лучшую молитву не сотворитъ" (л. 2).

О словахъ одного сказанія „сіе (чудо) мнози сподобившеся видѣти иже чистымъ умомъ и непорочнымъ житіемъ живущіи"—Прибыловичъ замѣчаетъ въ духѣ извѣстной сказки Андерсена о новомъ платьѣ короля: „Сіе слово подобно есть онаго человѣка словесн, иже нанявши палату честными образами написати, а не намалевавши ничтоже, сказа господину, яко прекрасно выписа палату, которое писмо тоій прекрасно видѣти можетъ, кто неблядинъ сынъ; пришедши убо, аще и никакого писанія видѣша, сказоваху, яко зѣло украшена палата бѣ, да не явятся быти блядины дѣти" (л. 11).

Къ этимъ примѣрамъ, характеризующимъ понятія и настроеніе Прибыловича, приведемъ въ дополненіе еще нѣсколько извлеченныхъ А. И. Никольскимъ и напечатанныхъ въ его трудѣ, которые не менѣе ярко рисуютъ отношеніе ученаго справщика-іеромонаха къ поэтическимъ сказаніямъ Пролога.

Къ словамъ „видѣвъ же святитель слезы отъ иконы (Богородицы), яко нѣкій эдемскій источникъ, и пріятъ я въ фелонь своій"—аннотація: „невѣроятно есть, дабы наслѣдница веселій неизреченныхъ, Матерь Божія,—плакала; тамо бо нѣсть плача, ни болѣзни ни воздыханія"; по поводу честной иконы Богородицы, нарицаемой Троеручица, о которой существуетъ поэтическая легенда,—Прибыловичъ со свойственной ему бурсацкой грубостью пишетъ: „аще бы кто Матерь Божію съ троима очима, или со двоимъ носомъ, или устнами написалъ, неблагообразна такова икона была бы; то рещи видится подобаетъ и о Троеручицы".

V

Противъ всего сказаннаго Прибыловичемъ объ отдѣльныхъ мѣстахъ Пролога—трудно спорить; но религіозному чувству православнаго читателя дороже поэтическая легенда древности, чѣмъ холодное резонерство ученаго монаха, въ которомъ школа окончательно убила живую непосредственность религіозно-эстетическаго чувства и лишила способности понять красоту, отличающую древнія сказанія Пролога. Иронически-насмѣшливо отзывается онъ о поэтическихъ легендахъ, повѣствующихъ о посѣщеніи земного рая, о пустынникахъ, бесѣдующихъ со служащими имъ дикими звѣрями, о подвигахъ умерщвленія плоти, юродства, крайняго нестяжанія. Даже красота поэтическаго преданія о Богородицѣ, плачущей о грѣшномъ мірѣ—не трогаетъ его....

Результаты такого критическаго и ироническаго отношенія Прибыловича къ древнимъ повѣстямъ Пролога—сказались позже. Хотя „аннотаціи", по отзыву извѣстнаго архіеп. Филарета и „не вездѣ скромны и основательны", однако, съ дальнѣйшимъ обмірщеніемъ русскаго общества и духовенства, съ проникновеніемъ къ намъ критическаго отношенія къ легендарной литературѣ—идеи, высказанныя въ „Аннотаціяхъ", стали общимъ достояніемъ. „Сравнивая печатные Прологи XVII в. съ позднѣйшими, видимъ", говоритъ проф. Петровъ, „что изъ послѣднихъ исключены нѣкоторыя прежнія статьи и внесены сюда новыя изъ Четь-Миней и другихъ сочиненій св. Димитрія (Ростовскаго). Исключено нѣсколько статей, отличавшихся обиліемъ чудеснаго элемента или апокрифическимъ характеромъ" [1]).

Если мы сопоставимъ современное намъ изданіе Пролога съ печатнымъ Іосифовскимъ XVII в., то уви-

---

[1]) Петровъ, О происхожденіи и составѣ... Пролога, стр. 8.

димъ, что разрушительная работа религіознаго раціонализма, совершенная духовными цензорами и справщиками, не прошла безслѣдно для памятника древней христіанской литературы. Прологъ сократился и обезцвѣтился.

Такъ и слѣдовало ожидать: древняя религіозная легенда, полная тайнъ и чудесъ, пройдя сквозь призму понятій новаго времени—утратила свое благоуханіе. Изрѣдка намъ напоминаютъ о ней писатели, напр. Н. Лѣсковъ, тщетно пытающіеся воскресить старину, но создающіе лишь блѣдное и риторически-сентиментальное подражаніе ей.

В. Перетцъ.

Типо-Литографія А. Э. Винекке, Екатерингофскій пр. № 15.